ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПРАВА

НАТАЛИЯ СЕРГЕЕВНА ВАСИЛЬЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

E-mail: nataliavasilyeva@hotmail.com

SPIN-код: 8362-8139

ORCID: 0000-0001-8030-8483

DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-4-vasilyeva

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ПРАВА КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТ: УПСАЛЬСКАЯ ШКОЛА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕАЛИЗМА

Статья подготовлена в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований научного проекта № 18-011-01195 «Действительность и действенность права: теоретические модели и стратегии судебной аргументации».

Аннотация. Существуют две традиции обоснования действительности права — метафизическая и антиметафизическая. В начале XX в. антиметафизическая традиция была дополнена психологическим реализмом, получившим развитие в рамках Упсальской школы и психологической школы Л.И. Петражицкого. Можно проследить единую линию рассуждений о действительности права — от Л.И. Петражицкого (и его учеников) и А. Хэгерстрёма (и его учеников, включая А. Росса) до Э. Паттаро — в рамках направления, которое может быть названо континентальным, или психологическим, правовым реализмом. Данное направление в теории права характеризуется установкой на исследование права в контексте фактов психофизической реальности, идеей о психической природе права, указанием на авторитетно-мистический характер и объективацию правовых переживаний, а также на несводимость права к поведенческому аспекту и др.

Термин «Упсальская школа правового реализма» обозначает теоретико-правовую позицию ученых из Упсалы — А. Хэгерстрёма и его наиболее последовательных учеников, А.В. Лундстедта и К. Оливекроны; она выделяется в рамках более общего направления скандинавского правового реализма, представляющего, в свою очередь, часть континентальной реалистической традиции. Фило-

софские основания Упсальской школы правового реализма включают в себя отрицание субъективизма и метафизики, натурализм, нонкогнитивизм. Данная школа уделила особое внимание вопросам возможности научного знания о праве и построения ценностно-нейтральной теории, поиску надежных методологических оснований для науки о праве. Отрицание субъективизма и метафизики привело к утверждению, что существует и может быть предметом научного познания только одна реальность — пространственно-временная, психофизическая. Поскольку правовые понятия не имеют непосредственного соответствия в фактах такой реальности, они признаются иллюзиями и даже магическими формулами, которые, однако, основываются на реальных психологических фактах и оказывают воздействие на сознание людей.

В рамках Упсальской школы право с реалистической точки зрения предстает как машинерия принуждения, как порядок, основанный на действии организованной общественной силы, в рамках которого нормы права выступают как независимые императивы и мотивы поведения, оказывающие внушающее, связывающее волю воздействие на сознание и поведение людей. Действительность права обусловливается силой организованного общественного принуждения и рассматривается как сложное явление внутреннего мира людей. Являясь комплексным фактом психики, действительность права представляет собой психологическое самообязывание, возникающее в результате систематического действия машинерии физического принуждения, а также под влиянием культурных, социальных и даже биологических факторов.

Ключевые слова: скандинавский правовой реализм, Упсальская школа, действительность права, принуждение, сила права, организованная сила, Аксель Хэгерстрём, Андерс Вильгельм Лундстедт, Карл Оливекрона

NATALIA S. VASILYEVA

Saint Petersburg State University
7/9, Universitetskaya embankment, Saint Petersburg 199034,
Russian Federation
E-mail: nataliavasilyeva@hotmail.com

ORCID: 0000-0001-8030-8483

LEGAL VALIDITY AS A PSYCHOLOGICAL FACT: UPPSALA SCHOOL IN THE INTELLECTUAL CONTEXT OF CONTINENTAL LEGAL REALISM

The article was prepared within the framework of the scientific project № 18-011-01195 "Validity and Efficacy of Law: Theoretical Models and Strategies of Judicial Argumentation", supported by the Russian Foundation for Basic Research.

Abstract. There are two traditions of determining the foundation of legal validity — metaphysical and anti-metaphysical. At the beginning of the 20th century the anti-metaphysical tradition was supplemented by psychological realism, which was developed in the framework of the Uppsala School and the psychological school of Leon Petrażycki. It is possible to trace the common line of reasoning on the problem of legal validity within Continental or psychological legal realism: from Petrażycki (and his students) and Axel Hägerström (and his students, including Alf Ross) to Enrico Pattaro. Psychological legal realism is an approach to law that can be characterized by 1) an orientation toward the study of law in the context of facts of psychophysical reality; 2) the idea of the psychological nature of law; 3) recognition of the authoritative-mystical nature and objectification of legal experiences; 4) the irreducibility of law to the behavioral aspect; etc.

The term "Uppsala School of Legal Realism" denotes the theoretical legal position of scholars from Uppsala — Hagerström and his most faithful students, Anders Vilhelm Lundstedt and Karl Olivekrona — within the framework of a broader Scandinavian legal realism as part of the continental realistic tradition. The philosophical foundations of the Uppsala School of Legal Realism include: rejection of subjectivism and metaphysics, naturalism, non-cognitivism. This school paid special attention to questions on the possibility of scientific knowledge about law, the construction of a value-neutral theory, and the search for reliable methodological foundations for the science of law. The revolt against subjectivism and metaphysics led to the assertion that there is — and can be the subject of scientific knowledge — only one reality, namely spatio-temporal, psychophysical. Since legal concepts do not directly correspond to the facts of such a reality, they are considered as illusions and even magical formulas, which, however, are based on actual psychological facts and have an effect on people's consciousness.

In the framework of the Uppsala School from a realistic point of view law appears as a machinery of coercion, as a factual order based on the organized social force. Within that order the rules of law are independent imperatives and motives of behavior, which have a suggestive, binding effect on the consciousness and behavior of people. The validity of law is determined by the power of organized social coercion and is regarded as a complex phenomenon of the people's inner world. As a complex psychical fact, legal validity is considered a psychological self-binding engendered by the physical coercion machinery in action and the influence of cultural, social and even biological factors.

Keywords: Scandinavian Legal Realism, Uppsala School, legal validity, coercion, force of law, organized force, Axel Hägerström, Anders Vilhelm Lundstedt, Karl Olivecrona

1. Введение

Проблема действительности права включает в себя группу взаимосвязанных вопросов, традиционно являющихся предметом онтологических исследований права: нормативность права, соотношение

права и принуждения, права и морали и др. Для исследования проблемы действительности права, в дискуссию о которой вовлечены представители различных типов правопонимания, необходимо общее основание — инструментальное понятие действительности права, свободное от ограничений, зависящих от принимаемого подхода к праву. Действительность права как его сущностный признак может быть рассмотрена как обязывающая сила права, приводящая в действие специфический механизм нормативного воздействия права на поведение. В отличие от инструментального понятия действительности основание действительности права неразрывно связано с выбором определенного философского-правового подхода — метафизического или антиметафизического, и в зависимости от этого может быть различным образом интерпретировано. В начале XX в. антиметафизическая традиция была дополнена психологическим реализмом, получившим развитие в рамках Упсальской школы и психологической школы Л.И. Петражицкого.

Упсальская школа, в лице ее основателя Акселя Хэгерстрёма (Axel Anders Theodor Hägerström, 1868—1939) и его учеников Андерса Вильгельма Лундстедта (Anders Vilhelm Lundstedt, 1882—1955)¹ и Карла Оливекроны (Karl Olivecrona, 1897-1980), является частью более общего направления — скандинавского правового реализма, к представителям которого относятся Альф Росс (Alf Ross, 1899—1979), Ингемар Хедениус (Ingemar Hedenius, 1908—1982), а также Торе Стромберг (Tore Strömberg), Пер Улоф Экелёф (Per Olof Ekelöf), Торштайн Экхофф (Torstein Eckhoff). В рамках Упсальской школы было существенно переосмыслено понятие действительности права, включая понимание особой силы права и роль данной силы в социально-политической жизни общества. В сочетании с философско-методологическими идеями Упсальской школы поиск оснований особой силы права стал причиной обращения к внутреннему миру людей. В трудах представителей школы — А. Хэгерстрёма, А.В. Лундстедта, К. Оливекроны — особенно ярко проявляется пристальное внимание к психологическим аспектам бытия права.

¹ Многие работы ученый публиковал на немецком языке под именем *Wilhelm Lundstedt*, поэтому зачастую известен именно под своим вторым именем — Вильгельм, а его фамилия в русскоязычных работах приводится в германизированном варианте — Лундштедт (см.: *Антонов М.В.* Скандинавская школа правового реализма // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008 / Под ред. А.В. Полякова. СПб., 2009. С. 651, сн. 23). Однако согласно правилам практической транскрипции на русский язык со шведского более правильным вариантом написания является «Лундстедт».

Схожие психологические подходы к праву зародились в самом начале XX в. одновременно в Упсале, благодаря А. Хэгерстрёму, и в Санкт-Петербурге, благодаря Л.И. Петражицкому. Независимо друг от друга оба мыслителя пришли к чрезвычайно схожим выводам. Н.С. Тимашев полагает, что такое «совпадение взглядов является примером обычного явления конвергентного развития в науке», и отмечает отсутствие прямого доступа зарубежных ученых к трудам Л.И. Петражицкого². Впоследствии учение Л.И. Петражицкого благодаря участникам его школы стало известно в зарубежной науке, и отдельные положения его учения широко обсуждались и получили признание³. Помимо этого, «скандинавский правовой реализм в Италии», представленный идеями Энрико Паттаро⁴, привлек внимание к общим основаниям школы Л.И. Петражицкого и школы А. Хэгерстрёма, позволяющим говорить о наличии единого направления — континентального (психологического) правового реализма.

Следует отметить поразительное сходство учений Л.И. Петражицкого и А. Хэгерстрёма, причем не только в области поиска психологических оснований права. Обращает на себя внимание радикализм обоих мыслителей, как самой философско-методологической позиции, так и ее позиционирования в научной среде, что привело к большому количеству ярко эмоциональной критики в их адрес. Так, ученик Л.И. Петражицкого Н.С. Тимашев отмечает: «Он (Петражицкий. — H.B.) резко заявил своим студентам и коллегам, что все существующие теории в отношении природы и свойств права принципиально неверны, поскольку они игнорируют природу его сущности. То, что они считают реальным, представляет собой всего лишь фантазмы, а о том, что является реальностью в праве, — они даже и не подозревают» 5 . «Теория Петражицкого

 $^{^2}$ См.: *Тимашев Н.С.* Предисловие (к книге Petrazycki L. Law and Morality. Cambridge. 1955) // Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды. СПб., 2010. С. 923.

 $^{^3}$ См. об этом: *Тимошина Е.В.* Теория и социология права Л.И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2013. С. 6–8.

⁴ Е. Врублевский говорил Э. Паттаро: «Скандинавский правовой реализм... в настоящее время развивается в Италии — тобой» (*Pattaro E.* A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 1: The Law and the Right: A Reappraisal of the Reality that Ought to Be. Dordrecht, 2007. P. 131).

 $^{^5}$ *Тимашев Н.С.* Указ. соч. С. 908. Вот, например, как Л.И. Петражицкий характеризовал в своих работах состояние различных областей современного ему научного знания: «Эти учения [существующие учения о мотивах поступков. — *Н.В.*] представляют недоразумение... действительные импульсы нашего поведения никогда

в своей развитой форме вызвала бурю негодования», — добавляет ученый А. Хэгерстрём также высказывался довольно радикально. Его известная речь 1911 г. «Об истинности моральных суждений», в которой он отстаивал ценностную нейтральность науки и необходимость отказа от популярных в его время метафизики и идеалистического догматизма, а также утверждал, что моральное представление (föreställning) о высшей ценности определенного поведения не может быть истинным или ложным, была воспринята в Упсальском университете как нечто возмутительное и создала шведскому философу в некотором роде скандальную репутацию противника морали 7.

К основным общим положениям теорий Л.И. Петражицкого и А. Хэгерстрёма можно отнести: 1) утверждение о построении надлежащей эмпирической науки о праве, основанной на исследовании фактов реальности — главным образом, психической реальности; 2) идею о психической природе права (реальности права): право состоит не из норм, а представляет собой особые явления психики (эмоции, импульсы, представления, переживания и т.п.), или, иными словами, право существует в сознании тех, кто переживает соответствующие психические явления; 3) указание на авторитетно-мистический характер, присущий правовым переживаниям⁸.

Таким образом, можно проследить единую линию рассуждений о действительности права — от Л.И. Петражицкого (и его учеников) и А. Хэгерстрёма (и его учеников, включая А. Росса 9) до Э. Паттаро —

не состоят в том, в чем их усматривают существующие учения» (Π емражицкий Π .U. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 26); «Все указанные выше теории [разграничения частного и публичного права. — H.B.]... должны быть признаны ошибочными» (там же. С. 521); «Эти теории [современной психологии. — H.B.] носят в себе печать... невероятности... чудовищности с научно-критической точки зрения...» (там же. С. 37); «Оба учения [юснатурализм и юспозитивизм. — H.B.]... ненаучны, некритичны в том отношении, что оба они исходят из реального существования обязанностей и норм и не знают тех реальных, действительно имеющих место в их же психике процессов, под влиянием которых им эти своеобразные вещи представляются где-то существующими...» (там же. С. 57).

⁶ Тимашев Н.С. Указ. соч. С. 918.

 $^{^7\,}$ Cm.: Mindus P. A Real Mind: The Life and Work of Axel Hägerström. Dordrecht, 2009. P. 77–80.

⁸ Сравнение положений теории права Л.И. Петражицкого и скандинавского правового реализма см.: *Тимошина Е.В.* Указ. соч. С. 366—367.

⁹ Обоснование отнесения концепции А. Росса к психологическому правовому реализму см.: *Vasilyeva N., Timoshina E.* Continental Legal Realism: Legal Validity as a Psychological Experience // The Experience of Law. Collection of Articles and Essays / Comp. by O. Stovba, N. Satokhina. Kharkiv, 2019. P. 111.

в рамках направления, которое может быть названо континентальным, или психологическим, правовым реализмом. Это направление объединяет две известные школы права: российско-польскую Л.И. Петражицкого и скандинавскую А. Хэгерстрёма (Э. Паттаро можно считать современным представителем последней). Основные признаки психологического правового реализма выделяет Э. Фиттипальди: 1) строгий реализм, отрицающий существование права в особой реальности должного, отличной от физической и психической; 2) правовой редукционизм «мягкого» толка (сложные проблемы нормативных феноменов не столько напрямую редуцируются к феноменам пространственно-временной реальности, сколько — каузально — объясняются через них); 3) несводимость права как психического феномена непосредственно к физическому феномену — поведенческим актам; 4) непрямая редукция норм к специфическим эмоциям; 5) переживаемая субъектом объективность права как следствие рационализации психических переживаний; 6) разграничение внутреннего, психического (действительность) и внешнего, поведенческого (действенность) аспектов существования норм; 7) гипотеза о существовании ненаблюдаемых психологических правовых феноменов используется для объяснения доступных для наблюдения правовых феноменов¹⁰.

Предметом рассмотрения в статье будет теоретическая позиция ученых из Упсалы — А. Хэгерстрёма и его наиболее последовательных учеников, А.В. Лундстедта и К. Оливекроны, для обозначения которой используется термин «Упсальская школа правового реализма» 11. Данная школа сыграла важную роль в генезисе психологического правового реализма, оказав влияние на последующее развитие антиметафизической традиции в философии и теории права, а также на политический дискурс в Европе 12. При этом в отечественном правоведении она, безусловно, гораздо менее изучена, чем психологическая школа Л.И. Петражицкого.

¹⁰ Cm.: *Fittipaldi E.* Introduction: Continental Legal Realism // A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 12. Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law World. T. 2: Main Orientations and Topics / Ed. by. E. Pattaro, C. Roversi. Dordrecht, 2016. P. 299–309.

¹¹ Такой термин использует, например, А.В. Поляков (см.: *Козлихин И.Ю., Поляков А.В., Тимошина Е.В.* История политических и правовых учений. СПб., 2007. С. 432).

 $^{^{12}}$ О сходствах концепций действительности права других представителей психологического реализма — Л.И. Петражицкого, А. Росса, Э. Паттаро см.: *Vasilyeva N.*, *Timoshina E*. Op. cit. P. 107—118.

2. Упсальская школа правового реализма: общая характеристика

В самом начале ХХ в., в 1910-е гг., в шведском городе Упсала стала формироваться новая философская школа, которая обратилась к реализму после долгих лет доминирования идеалистической философии. Ее основателями стали А. Хэгерстрём и Адольф Пален (Adolf Phalén, 1884—1931) 13. Главные положения, выработанные в рамках данной школы, как уже отмечалось, стали основанием для такого направления правовой мысли, как скандинавский правовой реализм, который некоторые исследователи называют самым большим достижением шведской философии XX в 14. Обычно под Упсальской школой понимают прежде всего именно школу философии, в то время как соответствующий подход к праву называют скандинавским правовым реализмом. Однако, например, Ф. Шмидт называет Упсальской школой правопонимания учения А. Хэгерстрёма, А.В. Лундстедта, К. Оливекроны, а в более широкое понятие скандинавского правового реализма включает также А. Росса и Т. Экхоффа 15. Известная исследовательница творчества А. Хэгерстрёма П. Миндус подчеркивает, что Ф. Шмидт вводит читателей в заблуждение, а Упсальская школа, объединенная методом концептуального анализа ¹⁶, является отдельной группой по отношению к скандинавскому правовому реализму в лице таких его главных представителей, как А.В. Лундстедт и К. Оливекрона 17. Вместе с тем Упсальскую школу можно рассматривать как ядро скандинавского правового реализма, поскольку его основные идеи были впервые сформулированы в трудах А. Хэгерстрёма и, главным образом, его учеников, которые были наиболее близки в своих воззре-

¹³ См.: *Казакевич Г.В.* Шведская философия: Современность и классика. Аналитическая традиция Упсалы: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 1996. С. 8. Э. Паттаро также отмечает, что А. Хэгерстрёма можно считать в рамках Упсальской школы наиболее выдающимся ее представителем в практической философии, в то время как А. Палена — в теоретической (см.: *Pattaro E.* Axel Hägerström at the Origins of the Uppsala School // A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 12: Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law World. T. 2: Main Orientations and Topics / Ed. by E. Pattaro, C. Roversi. P. 320).

¹⁴ См.: *Казакевич Г.В.* Указ. соч. С. 10.

¹⁵ Cm.: *Schmidt F.* The Uppsala School of Legal Thinking // Scandinavian Studies in Law. 1978. Vol. 22. P. 151.

¹⁶ Логический анализ и переработка понятий, замена противоречивых понятий на непротиворечивые — это основные идеи А. Палена (см.: Казакевич Г.В. Указ. соч. С. 9).

¹⁷ Cm.: *Mindus P.* Op. cit. P. 72.

ниях к идеям учителя, — К. Оливекроны и А.В. Лундстедта. Считается, что именно эти двое учеников А. Хэгерстрёма в полной мере раскрыли потенциал Упсальской школы в области теории права, в то время как сам Хэгерстрём больше внимания уделял философии 18 .

Другой выдающийся ученик А. Хэгерстрёма — А. Росс, как и такой его последователь, как И. Хедениус, также могут быть отнесены к скандинавскому правовому реализму, но они в меньшей степени руководствовались положениями Упсальской школы философии в ее первоначальном варианте ¹⁹ и раскрывали идеи А. Хэгерстрёма в несколько ином ключе, чем А.В. Лундстедт и К. Оливекрона. По этой причине их иногда не относят к скандинавскому правовому реализму, отождествляя последний только с идеями представителей Упсальской школы. Представляется, что скорее можно согласиться с точкой зрения, которую высказывает один из главных исследователей Упсальской школы Й. Странг: скандинавский правовой реализм не следует понимать как статичную теоретическую позицию, поскольку исследовательские цели его представителей испытывали влияние меняющихся политических обстоятельств и философского дискурса; в нем можно выделить два поколения (направления), основывающихся на учении А. Хэгерстрёма: к первому можно отнести А.В. Лундстедта и К. Оливекрону, ко второму — А. Росса и И. Хедениуса²⁰. Первое поколение ученых хотело преодолеть консервативное доминирование в политике, в то время как второе поколение было занято осмыслением плановой экономики, государственного вмешательства и тоталитаризма. Второе поколение стремилось сгладить радикализм предшественников и выработало более инструментальный подход к науке о праве, а кроме того, оно формировалось под влиянием популярной в то время философии логического эмпиризма (логического позитивизма)²¹. Как отмечает Й. Странг,

¹⁸ Существует также точка зрения, согласно которой вклад А. Хэгерстрёма в юриспруденцию носит в большей степени деструктивный характер: ученый развенчал существующие концепции и проложил путь для нового направления, а его ученики пошли этим новым путем (подробнее об этом см.: *Тонков Д.Е.* Философия права Акселя Хэгерстрёма // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Т. 13. № 3. С. 103).

 $^{^{19}\,}$ До изменений, вызванных влиянием других вариантов аналитической философии.

²⁰ Cm.: *Strang J.* Two Generations of Scandinavian Legal Realists // Retfærd: Nordisk Juridisk Tidsskrift. 2009. Bd. 32. Nr. 1/124. P. 63.

²¹ Необходимо также отметить, что со временем Упсальская школа, по мнению некоторых исследователей, стала трансформироваться в духе идей аналитической

именно менее радикальное (но и не такое уникальное), основывающееся на влиятельном во всем мире логическом эмпиризме второе поколение скандинавских правовых реалистов (в основном А. Росс) стало наиболее известным в мировой науке и, в частности, распространило скандинавский реализм в Финляндии и Норвегии²². Особенно важным, по мнению Й. Странга, является то, что сами представители второго поколения считали себя частью направления, основанного А. Хэгерстрёмом, рассматривали свои теории как его развитие и конкурировали с первым поколением за право представлять традицию Хэгерстрёма²³.

Методологической основой учения А. Хэгерстрёма и скандинавских правовых реалистов первого поколения — А.В. Лундстедта и К. Оливекроны, которое является предметом рассмотрения в данной статье, была Упсальская школа философии. Она возникла как противопоставление идеализму и субъективизму, прежде всего, в духе чрезвычайно влиятельного шведского мыслителя К.Я. Бострёма (Christopher Jacob Boström, 1797-1866). По мнению Э. Паттаро, реализм начала XX в. можно считать непосредственным предшественником логического эмпиризма; несмотря на то что прямого влияния не прослеживается, в какой-то своей части реализм дошел до той стадии, за которой начинаются достижения логического эмпиризма²⁴. Известный исследователь шведской философии А.Г. Мысливченко полагает, что Упсальскую школу можно назвать ранней, еще не развитой формой логического позитивизма, предвосхитившей многие идеи Венского кружка (критика «метафизики», очищение научных понятий посредством логического анализа как главная задача философии,

философии в целом, в том числе переходя от «ортодоксального хэгерстрёмианизма» к англо-американскому аналитическому духу. Во многом это заслуга таких учеников А. Палена, как И. Хедениус и Конрад Марк-Вогау, интересовавшихся кембриджской философией (см.: *Proszewska A.M.* Axel Hägerström, Uppsala School, and the Rise of Swedish Analytical Philosophy // Zeszyty Naukowe Towarzystwa Doktorantów Uniwersytetu Jagiellońskiego Nauki Humanistyczne. 2018. Bd. 4. Nr. 23. P. 129; *Казакевич Г.В.* Указ. соч. С. 13).

²² См.: *Strang J.* Two Generations of Scandinavian Legal Realists. P. 78–79. На роль логического позитивизма в популярности А. Росса указывает и Дж. Бьяруп, который к тому же рассматривает Росса как одного из основателей скандинавского правового реализма наравне с А. Хэгерстрёмом (см.: *Bjarup J.* The Philosophy of Scandinavian Legal Realism // Ratio Juris. 2005. Vol. 18. Iss. 1. P. 1–2).

²³ Cm.: Strang J. Two Generations of Scandinavian Legal Realists. P. 79.

²⁴ Cm.: *Pattaro E.* Axel Hägerström at the Origins of the Uppsala School. P. 321.

утверждение об отсутствии познавательного характера у оценочных суждений и др.) 25 .

Упсальская школа имеет много обшего с логическим позитивизмом Венского кружка. Для данных философских направлений характерна антиметафизическая направленность, нонкогнитивизм и схожие представления о реальности, однако они по-разному обосновывают необходимость отказа от метафизики. Для Упсальской школы это связано с отрицанием субъективизма К.Я. Бострёма, что привело ее представителей к утверждению о возможности непосредственного познания пространственно-временной (психофизической) реальности с помощью сознания²⁶. Для Венского кружка отправной точкой для отрицания метафизики становится идея верификации, согласно которой любое осмысленное высказывание может быть редуцировано до высказываний о непосредственном опыте или восприятии; таким образом, все теории должны быть эмпирически обоснованными, чтобы можно было их редуцировать до верифицируемых утверждений, и только такие верифицируемые предложения рассматриваются как осмысленные, а все прочие — как бессмысленные и бесполезные²⁷.

Исследователи отмечают следующие философские основания Упсальской школы правового реализма, заложенные А. Хэгерстрёмом: антиметафизический подход, натурализм 28 ; метаэтический и метаюридический нонкогнитивизм 29 ; «аксиологический нигилизм» 30 . К характерным чертам данного направления относят:

- особое внимание к важности философии для должного понимания права и знания о праве 31 ;

 $^{^{25}}$ См.: *Мысливченко А.Г.* Философская мысль в Швеции: основные этапы и тенденции развития. М., 1972. С. 167, 181.

²⁶ Cm.: *Eliasz K., Jakubiec M.* The Vienna Circle and the Uppsala School as Philosophical Inspirations for the Scandinavian Legal Realism // Semina Scientiarum. 2016. Vol. 15. P. 112.

²⁷ Cm.: Ibid. P. 113.

 $^{^{28}}$ См.: *Mautner T.* Some Myth about Realism // Ratio Juris. 2010. Vol. 23. Iss. 3. P. 411—427; *Паттаро Э*. Нет права без норм / Пер. с англ. С.Н. Касаткина // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008 / Под ред. А.В. Полякова. СПб., 2009. C. 284—342.

²⁹ Cm.: *Mautner T.* Op. cit. P. 414.

³⁰ Cm.: Olsen H.P., Toddington S. The Scandinavian Roots of a New Approach to "Legal Knowledge" // Retfærd: Nordisk Juridisk Tidsskrift. 2012. Bd. 35. Nr. 4/139. P. 58.

³¹ Cm.: *Bjarup J.* Op. cit. P. 14.

- представление о праве как о социальном феномене, который в конечном счете основывается на санкции самого человека³²;
- объяснение права через факты, причем впервые как факты рассматриваются не только феномены видимого, внешнего мира, но и состояния сознания, и эмоциональные переживания людей, включая их идеи, верования и эмоции³³;
- признание метафизическими иллюзиями всего того, что не имеет опоры в психофизической реальности 34 ;
- эмпиризм, социальный дарвинизм, бихевиоризм, психологизм в качестве научно-философской базы 35 .

Для Упсальской школы правового реализма одной из главных задач является поиск надежных методологических оснований для науки о праве, определение ее границ, попытка построения ценностно-нейтральной теории. Предмет исследования, в том числе и скандинавского правового реализма в целом, включает важнейшие эпистемологические вопросы: что такое наука о праве и как вообще возможно познание права? Это роднит скандинавский правовой реализм с европейской юспозитивистской традицией от Дж. Остина до Г. Кельзена, но решение указанных проблем здесь предлагается совершенно иное 36, что обусловлено строгим реализмом скандинавов и отказом от объяснительных возможностей неопозитивистских теорий права, в рамках которых набор нормативных истин о действительном праве выводится с помощью цепочек логических заключений из базовой предпосылки (например, основной нормы). В данном контексте следует подчеркнуть, что возникновение Упсальской школы правового реализма разделило антиметафизическую теоретико-правовую традицию на аналитическую (неопозитивизм в духе Г. Кельзена и Г. Харта) и реалистическую (психологический правовой реализм).

³² Cm.: Strang J. Two Generations of Scandinavian Legal Realists. P. 62.

³³ Cm.: *McCormack G.* Scandinavian Realism // Juridical Review. 1970. Vol. 15. P. 33.

³⁴ См.: *Антонов М.В.* Указ. соч. С. 645.

³⁵ Там же. С. 646.

³⁶ Подробнее о решении этой проблемы в скандинавском правовом реализме в целом — через обращение к юридической практике и акцент на нормоописательной доктрине права, которая исходит из того, что когнитивные суждения не могут состоять из норм, см. например: *Aarnio A*. Introduction // Peczenik A. On Law and Reason. Dordrecht: Springer, 2008. P. 1–12; *Idem*. Essays on the Doctrinal Study of Law. Dordrecht, 2011. P. vii, 19–24.

3. Методологические основания Упсальской школы: учение А. Хэгерстрёма

3.1. Отрицание метафизики. В своих научных изысканиях А. Хэгерстрём, как и Л.И. Петражицкий, отличается большой оригинальностью и обособленностью от современной ему философии. А. Хэгерстрём не был склонен называть себя реалистом, поскольку, с его точки зрения, реализм (понимаемый им как сенсуализм или эмпиризм) и идеализм равно несовершенны из-за субъективизма. И именно критика субъективизма, тесно связанная с призывом к решительному отказу от метафизики, была отправной точкой учения шведского мыслителя 37. Как отмечает А.В. Поляков, «оригинальное мировоззрение Хэгерстрёма сформировалось в критическом противоборстве почти со всеми основными европейскими философскими системами, прежде всего с идеализмом, субъективизмом и метафизическими спекуляциями» 38.

Несомненно, убеждение в необходимости очищения науки о праве от метафизических искажений является общим и одним из самых главных для всех скандинавских правовых реалистов. Известен девиз А. Хэгерстрёма, который тот разместил в качестве эпиграфа к своему «Автопортрету» в сборнике «Современная философия в автопортретах»: «Praeterea censeo metaphysicam esse delendam»³⁹. По мнению некоторых исследователей (весьма радикальному), А. Хэгерстрём слишком широко понимал метафизику, включая туда традиционную философию, моральный и юридический дискурс, повседневный язык и т.д., и для очищения от метафизики метафорически «сжег» бы любые труды, кроме своих работ и работ его преданных последователей. «Упсальская школа была сектой, которая не признавала спасения за пределами храма»⁴⁰. При этом по сравнению с логическим эмпиризмом Упсальская школа все же недостаточно избавилась от метафизики.

Под метафизикой А. Хэгерстрём понимал идею абсолюта «как истины самой по себе и основания всей относительной реальности», а под субъективизмом — представление о существовании «созна-

³⁷ Cm.: *Proszewska A.M.* Op. cit. P. 124.

³⁸ *Козлихин И.Ю., Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Указ. соч. С. 433.

³⁹ «Считаю, что метафизика должна быть уничтожена» (лат., по аналогии с "*Ceterum censeo Carthaginem esse delendam*"). *Hägerström A*. Selbstdarstellung // Die Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen. Bd. 7 / Hrsg. von R. Schmidt. Leipzig, 1929. S. 111.

⁴⁰ Hansson J., Nordin S. Ernst Cassirer: The Swedish Years. Bern, 2006. P. 145.

ния, непосредственно доступного и таким образом конституирующего предельное основание знания, как это предполагалось Декартом, Юмом и Кантом»⁴¹. Отмечается, что, критикуя существующие подходы, А. Хэгерстрём пришел к утверждению, что человеческое восприятие и познание всегда направлены на нечто реальное⁴² — на элементы пространственно-временной реальности, единственного существующего мира, мира в пространстве и времени⁴³. Важно подчеркнуть, что пространственно-временная реальность включает в себя принадлежащие миру опыта психические состояния, имеющие локализацию во времени (но не в пространстве); таким образом, психические состояния в концепции А. Хэгерстрёма опосредованно относятся к пространственно-временной реальности⁴⁴.

Интересный комментарий относительно отрицания метафизики у А. Хэгерстрёма предлагает Дж. Бьяруп: «Хэгерстрём отрицает метафизику в значении существования метафизического или сверхъестественного мира за пределами существования физического или естественного, натурального мира во времени и пространстве. Однако, часто остается незамеченной приверженность Хэгерстрёма к метафизическому взгляду на реальность, который предполагает "совершенно логический характер чувственной реальности". Метафизический подход Хэгерстрёма представляет реальность не в терминах идеалистической метафизики как духовную реальность, но в терминах реалистической метафизики, как материальную реальность, состоящую из вещей, их свойств и каузальных связей между ними, которые существуют отдельно от сознания человека»⁴⁵. Свой подход А. Хэгерстрём называет рациональным натурализмом, противопоставляя его рациональному идеализму и продвигая в качестве единственно научного и реалистического подхода к изучению мира, подчеркивает Дж. Бьяруп⁴⁶. Возможность научного знания предполагает в качестве своего логического условия определенную непротиворечивую реальность, а именно реальность пространственновременную, психофизическую. Представление о независимом суще-

⁴¹ *Hägerström A*. Filosofi och vetenskap. Stockholm, 1957. P. 112, 120. Цит. по: *Proszewska A.M.* Op. cit. P. 124.

⁴² П. Миндус рассматривает это как основу «коперниковской революции в теории познания» А. Хэгерстрёма: «Сознание направлено не на себя, и потому объективность знания должна соотноситься с природой объекта» (*Mindus P. Op. cit. P. x*).

⁴³ Cm.: *Proszewska A.M.* Op. cit. P. 124–125; *Bjarup J.* Op. cit. P. 3.

⁴⁴ Cm.: Eliasz K., Jakubiec M. Op. cit. P. 111.

⁴⁵ Bjarup J. Op. cit. P. 3.

⁴⁶ Ibid.

ствовании внешнего мира приводит к утверждению о возможности использовать сознание и чувства людей для получения знания о мире и его выражения в истинных суждениях, поскольку истинность суждений предполагает реальность вещей ⁴⁷.

Крайне важно разделять внутреннюю логическую реальность (шв. realitet, нем. Realität) объекта мысли и внешнюю действенную реальность (шв. verklighet, нем. Wirklichkeit) в концепции А. Хэгерстрёма, указывают Э. Паттаро и Э. Фиттипальди⁴⁸: первая представляет собой возможность, а вторая — актуализированную возможность. Суждения позволяют познающему субъекту проверять логическую реальность, непротиворечивость, определенность, последовательность содержания представлений (идей), а также определять наличие соответствий таким логически реальным представлениям в действенной реальности⁴⁹. Именно действенная реальность и является чувственной пространственно-временной реальностью. Исходя из этого, можно сделать вывод, что концепция истины у А. Хэгерстрёма совместима с корреспондентной теорией истины: содержание представления является истинным, если оно соответствует пространственно-временной реальности⁵⁰.

Таким образом, А. Хэгерстрём заложил основу общей для всего скандинавского правового реализма ориентации на поиск надежного основания для науки о праве. В учении А. Хэгерстрёма такая ориентация предполагает, что существует только пространственно-временная реальность, познаваемая эмпирически, но не непосредственно в ощущениях, а с помощью концептуального анализа.

3.2. Нонкогнитивизм. Для теории права наибольшее значение имеет созданная А. Хэгерстрёмом теория морали, согласно которой моральные суждения не обладают логической ценностью, не могут быть истинными или ложными, поскольку не содержат никакой информации и не расширяют наше знание, и вследствие этого должны рассматриваться как выражения эмоций⁵¹. Эта теория также может быть названа метаэтическим нонкогнитивизмом или эмотивистской концепцией ценностей. А. Хэгерстрём приходит к отрицанию возмож-

⁴⁷ Cm.: *Bjarup J.* Op. cit. P. 3.

⁴⁸ Cm.: *Pattaro E.* Axel Hägerström at the Origins of the Uppsala School. P. 322; *Fittipaldi E.* Op. cit. P. 299–309.

⁴⁹ Cm.: *Pattaro E.* Axel Hägerström at the Origins of the Uppsala School. P. 323.

⁵⁰ См.: Fittipaldi E. Op. cit. P. 314.

⁵¹ Cm.: Proszewska A.M. Op. cit. P. 125.

ности истинности или ложности моральных суждений с точки зрения логики; в такой ситуации сознание ценности или долга предстает как выражение эмоционального опыта, а моральные утверждения, утверждения о ценностях имеют эмоциональный характер и не имеют логического смысла, не могут быть суждениями⁵².

Нонкогнитивистский подход А. Хэгерстрёма критики впоследствии стали называть аксиологическим нигилизмом, и он оказал влияние не только на скандинавский правовой реализм, но и на социальную и политическую жизнь в Швеции, вызвав множество дебатов. Наравне с моральным релятивизмом такой ценностный нигилизм рассматривался как учение, поддерживающее тоталитаризм и подрывающее демократические идеи. В связи с этим А. Хэгерстрёму досталось особенно много обвинений, хотя сам ученый полагал, что его подход, напротив, должен способствовать возрождению гуманистического мировоззрения. Как известно, результатом трагических событий Второй мировой войны стал ренессанс теорий морального объективизма и идей естественного права. Однако, как отмечает Й. Странг, находилось немало мыслителей, включая Г. Кельзена и Б. Рассела, которые утверждали обратное: философский и политический абсолютизм связаны, а идеям демократии наиболее соответствует моральный релятивизм⁵³. Целый ряд последователей А. Хэгерстрёма — А. Росс, И. Хедениус, политолог Герберт Тингстен (Herbert Tingsten, 1896—1973) — также стремились опровергнуть обвинения против ценностного нигилизма, объединяя его с демократическими идеями. При этом, конечно, следует учитывать, что каждый из них по-своему интерпретировал и развивал этот подход, зачастую отличным от А. Хэгерстрёма образом.

4. Действительность права в учении А. Хэгерстрёма

Так называемый ценностный нигилизм А. Хэгерстрёма, нонкогнитивизм его теории проявлялся не только в сфере морали (этики), но и в сфере права и его концептуального анализа: нормы права как вид ценностных суждений не имеют соответствия в реальности, не несут никакой информации о реальном мире, но выражают определенный психический опыт.

⁵² Cm.: Eliasz K., Jakubiec M. Op. cit. P. 112.

⁵³ Cm.: *Strang J*. The Scandinavian Value Nihilists and the Crisis of Democracy in the 1930s and 40s // NordeuropaForum. 2009. Vol. 19. No. 1, P. 38–39.

Исследуя римское право в работе «Римское понятие обязательства в свете общих римских правовых воззрений» ⁵⁴, ученый стремится найти соответствие между правовыми понятиями и фактами наблюдаемой реальности, согласно своей методологической программе, и обнаруживает, что таких фактов не существует ⁵⁵. А. Хэгерстрём пишет, что право предполагает наличие неких особых загадочных сил, отличающихся от сил природы и от власти государства, но при этом такие силы не являются наблюдаемыми эмпирическими фактами ⁵⁶. Он приходит к выводу о мистическом характере правовых понятий и их психологическом содержании, не сводимом к фактическим отношениям ⁵⁷.

А. Хэгерстрём показывает, что, с одной стороны, правовые понятия ни к чему не могут быть непосредственно редуцированы в пространственно-временной реальности, с другой стороны, они отсылают к объектам опыта — психологическим феноменам⁵⁸. Ученый полагает, что наука о праве не может исследовать содержание понятия права, поскольку оно не имеет смысла и фактических соответствий. При этом возможно исследование магического использования юридических терминов для выражения человеческих эмоций, которое может быть представлено в описательных суждениях и объяснено в терминах каузальных законов связи между использованием юридической терминологии и ее влиянием на человеческое поведение⁵⁹.

Э. Паттаро подчеркивает следующие черты правовой концепции А. Хэгерстрёма:

- разграничение норм и команд; при этом в случае команд директива эффективна только при наличии специальных взаимоотношений между тем, кто командует, и тем, к кому обращена команда; именно поэтому нормы впоследствии предстают как независимые императивы в терминологии К. Оливекроны; нормы отличаются от команд тем, что предполагают наличие особого убеждения (верования) — осознания обязанности выполнить требуемое действие — в сочетании с чувством долга;

⁵⁴ *Hägerström A*. Der Römische Obligations begriff im Lichte der Allgemeinen römischen Rechtsanschauung. Bd. I. Uppsala, 1927. Об этой работе см.: *Антонов М.В.* Указ. соч. С. 648, 650.; *Mindus P.* Op. cit. P. 206—212.

⁵⁵ Cm.: *Hägerström A*. Inquiries into the Nature of Law and Morals / Transl. by C.D. Broad. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1953. P. 1–2.

⁵⁶ Ibid. P. 5.

⁵⁷ Ibid. P. 8.

⁵⁸ Ibid. P. 16.

⁵⁹ См.: *Bjarup J*. Ор. cit. Р. 9.

- универсализация, вера в то, что одни и те же действия в одних и тех же ситуациях будут правильными;
- утверждение о существовании норм в психике, сознании, мозге людей и рассмотрение их как сочетания представлений (*foreställning*) о поведении с соответствующими волевыми импульсами (*viljeimpulse*) к поведению⁶⁰.
- 4.1. Чувство принуждения. А. Хэгерстрём уделяет много внимания представлениям (идеям) о долге. Он указывает на то, что содержание представления о долге схоже своим императивным характером с состоянием сознания, которое существует у тех, к кому обращены команды, и оба этих состояния сознания вызывают импульс к определенному поведению⁶¹. «Таким образом, ...чувство принуждения возникает в непосредственной связи с идеей об определенном действии», и возникающий в связи с этим действием импульс никак не связан с оценочными суждениями⁶², — подчеркивает А. Хэгерстрём. «Чувство внутреннего принуждения к определенному действию неразрывно связано с чувством долга»⁶³, — добавляет он. Поскольку этот импульс не связан с оценкой действия, он воспринимается как нечто внешнее по отношению к субъекту, и А. Хэгерстрём называет чувство долга волевым чувством⁶⁴. Ученый отмечает, что индивид в данном случае выступает как объект реакции (объект обязанности, по сути) его социального эго, его «совести», и переживание этой реакции непосредственно вызывает импульс к действию, без какой-либо оценки⁶⁵. Получается, будто социальное эго командует индивидом. Представляется, что это можно трактовать как самообязывание.
- 4.2. *Правопорядок*. А. Хэгерстрём отрицает существование некоей реальности права, к которой относятся нормативные факты, права и обязанности. Все привычные правовые понятия не имеют соответствия в пространственно-временной реальности, а следовательно, вместо них существуют лишь выражения эмоций и интересов, касающиеся должного поведения и способные вызвать принудительные санкции; в определенном смысле соответствующие понятия представляют

⁶⁰ Cm.: Pattaro E. From Hägerström to Ross and Hart // Ratio Juris. 2009. Vol. 22. No. 4. P. 534–536.

⁶¹ Cm.: Hägerström A. Inquiries into the Nature of Law and Morals. P. 127.

⁶² Ibid.

⁶³ Ibid.

⁶⁴ Ibid. P. 130.

⁶⁵ Ibid. P. 131.

собой бессмысленные магические слова⁶⁶. Правовые понятия признаются не имеющими содержания и не влияющими на поведение, право рассматривается как императивы, используемые властью для разрешения конфликтов эмоций и интересов людей и поддержания необходимого поведения. «Правовой порядок представляет собой не что иное, как социальную машину, в которой люди являются зубцами»⁶⁷.

Общие положения теории А. Хэгерстрёма о действительности права как о «магическом» чувстве связанности, об основаниях действительности правопорядка сопряжены с концепцией принуждения со стороны общественной силы. М.В. Антонов формулирует идею Хэгерстрёма следующим образом: 1) отдельные индивиды группируются в союзы, подчиняя себя воображаемой власти этих союзов; 2) это дает чувство коллективной силы индивида как части общественного целого; 3) чувство коллективной силы делится на чувство связанности определенными правилами, соблюдение которых необходимо для участия в обществе, и чувство власти — требовать соблюдения воображаемых правил, которые опираются на схожие индивидуальные представления членов общественного целого⁶⁸. А. Хэгерстрём полагает, что существуют три необходимых условия правопорядка — социальный инстинкт, общая моральная установка, страх внешнего принуждения, и эти три фактора поддерживают существование правопорядка как силы⁶⁹. При этом функционирование правопорядка как силы с реалистической точки зрения рассматривается как фактическое применение правил о принуждении, как фактическое положение дел.

Социальный инстинкт в концепции А. Хэгерстрёма является самым важным из трех факторов, предпосылкой для двух остальных. В рамках определенного общества индивиды склонны, в основном независимо от рефлексии, следовать общим правилам действия так, чтобы становилась возможной кооперация в целях сохранения и развития жизни внутри группы 70. В отличие от аналогичного инстинкта у животных, по мнению шведского ученого, у людей такой инстинкт может быть связан, наряду с природными законами и с сознательно созданными правилами, благодаря чему человеческим сообществам удается достигать множества целей, помимо сохранения жизни.

⁶⁶ Cm.: *Bjarup J.* Op. cit. P. 7.

⁶⁷ Hägerström A. Inquiries into the Nature of Law and Morals. P. 354.

⁶⁸ См.: Антонов М.В. Указ. соч. С. 649.

⁶⁹ Cm.: *Hägerström A*. Inquiries into the Nature of Law and Morals. P. 352–353.

⁷⁰ Ibid. P. 350.

На социальном инстинкте основывается общая моральная установка. Социальный инстинкт у людей не так надежен, как у животных, некоторые индивиды могут захотеть выйти за границы права, и в таких случаях появляется позиция внешнего наблюдателя, который оценивает «законность» действий и оказывает моральное давление. С другой стороны, моральное давление также проявляется и как внутренняя моральная реакция на желание совершить «противоправное» действие в сочетании с чувством долга 71. Такое психологическое принуждение А. Хэгерстрём отличает от принуждения, которое связано с осознанием действия машинерии принуждения. Однако моральная реакция здесь понимается не столько как оценочная реакция, а как общее одобрение четко установленных и поддерживаемых правил применения принуждения в обществе.

В дополнение к моральной позиции на социальном инстинкте также основывается правоприменение, регулярное применение внешнего принуждения. В сочетании с моральным давлением начинает действовать индивидуальный страх принуждения, и оба этих фактора взаимно усиливают друг друга⁷². Эти два фактора А. Хэгерстрём рассматривает как важное дополнение к социальному инстинкту, поддерживающее правопорядок в ситуациях, когда социальный инстинкт напрямую не действует.

Таким образом, действительность права в концепции А. Хэгерстрёма раскрывается как сила правопорядка и как сложное явление внутреннего мира людей, которое основывается на социальном инстинкте, внешнем давлении общества на психику, внутреннем самообязывании и страхе внешнего принуждения.

5. Правовая машинерия и социальное благосостояние в учении А.В. Лундстедта

А.В. Лундстедт был учеником и другом А. Хэгерстрёма и всегда утверждал, что в своих работах он в целом верно и последовательно придерживался взглядов Хэгерстрёма на право⁷³. Подобно А. Хэгерстрёму, отмечает М.В. Антонов, А.В. Лундстедт «утверждает, что общее

⁷¹ Cm.: *Hägerström A*. Inquiries into the Nature of Law and Morals. P. 351.

⁷² Ibid. P. 352.

⁷³ Cm.: *Bindreiter U.* Anders Vilhelm Lundstedt: In Quest of Reality // A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 12. Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law World. T. 2: Main Orientations and Topics / Ed. by E. Pattaro, C. Roversi. P. 379.

чувство связанности правом обусловлено социально-психическим опытом людей, которые привыкают к действию в обществе определенных карательных механизмов»⁷⁴. Речь идет о чувстве связанности правовым принуждением, подчеркивает М.В. Антонов, и это чувство связанности выражается в словесных утверждениях об обязанностях, которые отражают верования людей в наступление неблагоприятных последствий при осуществлении определенного поведения. Аналогичным образом возникают и представления (и психические переживания) о правах и силе, их обеспечивающей. А.В. Лундстедт указывал на метафизический характер традиционных теоретических понятий (право, нормативность, действительность, права, обязанности и т.д.) и даже призывал к отказу от их использования⁷⁵.

У. Биндрайтер суммирует взгляды А.В. Лундстедта в следующих тезисах.

- (1) Научно несостоятельны представления об объективном праве, правовом порядке, норме права они не имеют соответствия в эмпирической реальности.
- (2) Понятие нормы возможно только в сочетании с обязывающей силой, но поскольку обязывающей силы не существует в пространственно-временной реальности, не существует и норм.
- (3) Вместо обязывающих правовых норм существует концентрация силы (*kraftkomplex*), которую следует называть не «право», а «правовая или социальная машинерия» регулярное применение принуждения в связи с реализацией определенных моделей поведения, которое создает фактический порядок, стандарт человеческого поведения.
- (4) То, что обычно называют правом это просто слова. Но слова обладают суггестивной силой, дающей развитие идеям о нормах права в сознании правоприменителей, которые, в свою очередь, монополизируют применение силы. Таким образом, понятие правовой машинерии относится к социальным фактам, а именно к комплексу психологических сил, действующих в целях реализации «правил», которые через суггестию и принуждение приобретают характер правовых норм.
- (5) Термин «правовая машинерия» относится только к устоявшимся правовым системам. Общество отождествляется с правовой или социальной машинерией, которая заключается в совместном действии психологических импульсов и властного контроля. Обыденное чувство справедливости играет важную роль в функционировании «права».

⁷⁴ Антонов М.В. Указ. соч. С. 652.

⁷⁵ См.: там же. С. 653.

- (6) Бессмысленно пытаться выявить действительное право, необходимо выявить, что на самом деле мотивирует правоприменительные органы.
- (7) Правовая машинерия это постоянное взаимодействие человеческой природы (частично рациональной, частично эмоциональной) и общества, которое следует описывать с внешней точки зрения.
- (8) Обыденное и примитивное чувство (представление о) справедливости поддерживается социальным инстинктом, примитивным инстинктом сохранения жизни человечества, который со временем трансформируется, обуздывается, улучшается с помощью правовой машинерии. Это чувство выступает как социальный инструмент, и в этом качестве оно нуждается в поддержке с помощью постоянного властного принуждения ⁷⁶.
- (9) В конечном счете правовая машинерия объясняется через государственную монополию на силу 77 .

Необходимо отметить, что под монополизированным применением силы в рамках правовой машинерии следует понимать физическое насилие, принуждение — непосредственное его применение и психологическое воздействие угрозой применения. В рамках Упсальской школы и скандинавского правового реализма в целом, особенно у К. Оливекроны и А. Росса⁷⁸, часто используется не только термин «принуждение», но и – как синоним — термин «насилие». Хотя данный термин имеет негативные коннотации, однако его использование не случайно, и прежде всего потому, что с реалистической точки зрения нет никакой разницы между «правопорядком» и режимом насилия (устойчивым бандитским или террористическим порядком). Характерное для «права» чувство связанности, основывающееся на машинерии применения принуждения, обосновывается через насилие не напрямую, а через такой признак, как наличие у организованной общественной силы монополии (фактической) на физическое насилие. Благодаря этому, а также комплексу соответствующих

⁷⁶ Получается, что действие правовой машинерии как синтеза психологических сил и регулярного применения принуждения поддерживается с помощью чувства справедливости, а чувство справедливости, в свою очередь, поддерживается регулярным применением принуждения.

⁷⁷ Cm.: *Bindreiter U.* Op. cit. P. 382–386.

 $^{^{78}}$ См. например: *Оливекрона К.* Право как факт / Пер. с англ. Е.Ю. Таранчен-ко // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008 / Под ред. А.В. Полякова. СПб., 2009. С. 717—718; *Ross A*. On Law and Justice / Transl. from Danish by M. Dutton. Berkeley, 1959. Р. 31.

психологических факторов насилие становится «правомерным» принуждением.

А.В. Лундстедт также известен своей концепцией «социального благосостояния (social welfare)», которую некоторые исследователи считают гораздо более абстрактной, чем утилитаризм, и полной противоречий ⁷⁹. В книге «Суеверие или рациональность в действии ради мира?» он утверждает, что «публичное благосостояние» является решающим фактором в определении содержания права⁸⁰. В работе «Переосмысливая правовое мышление: мои взгляды на право» шведский ученый подчеркивает, что понятие социального благосостояния в его концепции не связано ни с какими абсолютными ценностями или идеалами⁸¹; при этом он рассматривает социальное благосостояние как зависимое от социальной оценки, которая, в свою очередь, может быть обусловлена религиозными и этическими идеями, чувством справедливости и другими гуманитарными концепциями (и такие идеи имеют огромное значение для обыденного чувства справедливости, составляющего незаменимую часть правовой машинерии)⁸². А.В. Лундстедт настаивает на том, что понятие социального благосостояния является реалистическим, поскольку имеет дело с фактическими (actual) оценками того, что является благом, пользой для общества в конкретный момент. Применительно к праву это понятие раскрывается как общий дух предпринимательства и общее чувство безопасности при осуществлении такой деятельности и других действий, не наносящих вред с социальной точки зрения; при этом принимаются во внимание совместное производство богатства, обмен товарами, свобода действий, необходимые для процветания общества⁸³.

По сути, речь идет о некой правовой идеологии, которая может включать в себя в том числе даже и естественно-правовые идеи справедливости и равенства, обыденное понимание справедливости и т.п. Однако ученый считает необходимым избавиться «от химеры право-

⁷⁹ Подробнее о противоречиях см.: *Schmidt F.* Op. cit. P. 161. Сам А.В. Лундстедт подчеркивал, что эта его концепция не должна ассоциироваться с утилитаризмом (*Lundstedt A.V.* Legal Thinking Revised: My Views on Law. Stockholm, 1956. P. 139—140).

⁸⁰ Cm.: *Lundstedt A.V.* Superstition or Rationality in Action for Peace? London; New York, 1925. P. 129.

⁸¹ Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised: My Views on Law. P. 136.

⁸² Ibid. P. 137.

⁸³ Ibid. P. 138.

вой идеологии», которая ведет к нереалистичным взглядам, оценкам и интересам в различных областях правовой деятельности, в отличие от реалистического пути, который принимает во внимание реальные взгляды и мотивы людей⁸⁴. А.В. Лундстедт также подчеркивает, что «социальная жизнь не может определяться чувствами справедливости как ее руководящим фактором. Социальная жизнь обусловлена тем фактом, что чувства справедливости направляются и управляются с помощью права в действии (by the laws as in force, i.e. as maintained)»⁸⁵. Вместе с тем чувство справедливости (важны не слова, а вызываемые определенными словами чувства) и интересы социального благосостояния, в свою очередь, оказывают влияние на правовую машинерию через влияние на правотворчество и правоприменение⁸⁶.

В этом аспекте учения А.В. Лундстедта определенно прослеживаются черты, которые впоследствии будут раскрыты в правовой концепции А. Росса — в его идеях о материальном правосознании, культурной традиции и нормативной идеологии, приводящей в действие машинерию силы⁸⁷. Вместе с тем о социальном благосостоянии А. Росс отзывается как об иллюзии и химере, поскольку, по его мнению, нельзя приписывать потребности и интересы такой сущности, как общество⁸⁸. М.В. Антонов справедливо сравнивает идею социального благосостояния в концепции А.В. Лундстедта с представлениями Л.И. Петражицкого о праве как средстве социальной инженерии⁸⁹.

Таким образом, понятие действительности права как метафизически обязывающей силы, согласно А.В. Лундстедту, не имеет соответствия в эмпирической реальности и не должно использоваться. В реальности имеет место чувство связанности особым принуждением, возникающим в результате психологического и социального действия правовой машинерии. Что придает праву его силу, — задается вопросом А.В. Лундстедт и отвечает: комплекс психологических сил⁹⁰. Эти силы, которые связывают определенные понятия, идеи и прави-

⁸⁴ Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised: My Views on Law. P. 145–146.

⁸⁵ Ibid. P. 143-144.

⁸⁶ Подробнее об этом см.: *Lundstedt A.V.* Legal Thinking Revised: My Views on Law. P. 159—170.

⁸⁷ Cm.: Ross A. Op. cit. P. 34, 55, 60–61, 73–74, 97.

⁸⁸ А. Росс критикует идею социального благосостояния, но прямо не ссылается на теорию А.В. Лундстедта и не комментирует ее (см.: *Ross A*. Op. cit. P. 295–296).

⁸⁹ См.: Антонов М.В. Указ. соч. С. 654, сн. 40.

⁹⁰ Lundstedt A.V. Superstition or Rationality in Action for Peace? P. 126.

ла с чувствами, по мнению ученого, закрепляются и усиливаются при передаче из поколения в поколение, а также подкрепляются через реакции общества⁹¹.

6. К. Оливекрона: право как нормы о силе

К. Оливекрона создал наиболее цельную концепцию действительности права в рамках Упсальской школы правового реализма. При этом труды К. Оливекроны гораздо более доступны для понимания и менее подвержены возможности различных интерпретаций, чем работы А. Хэгерстрёма и А.В. Лундстедта⁹².

6.1. Норма права. Важным элементом теории К. Оливекроны является представление о нормах права как о «независимых императивах». Ученый заявляет, что нормы права могут быть определены как идеи предполагаемого поведения людей в предполагаемой ситуации⁹³. Далее он подчеркивает, что нормы имеют императивную форму, им присущ внушающий характер, в силу чего они производят психологический эффект приказа, оказывают воздействие на волю⁹⁴. Однако это не приказ в собственном смысле слова, поскольку нормы права не предполагают приказывающих и личные взаимоотношения между приказывающими и теми, кому приказывают⁹⁵. Поэтому К. Оливекрона называет выраженные в нормах права императивы независимыми. Хотя независимые императивы и могут быть выражены в предложениях в виде суждений, это только суггестивные предложения, а не реальные суждения: они не передают знание о том, что действие является объективно должным, а связь между императивным выражением и идеей действия — только психологическая, но кажется существующей объективно⁹⁶. В этом К. Оливекрона видит основу традиционной метафизической идеи обязывающей силы права, связанной с разделением на должное и сущее (такое разделение ученый, конечно, рассматривает как иллюзию). Причем некоторые нормы, отмечает К. Оливекрона, настолько властно обращаются к сознанию, что люди чувствуют себя обязанными, они не могут признать, что это

⁹¹ Cm.: Lundstedt A.V. Superstition or Rationality in Action for Peace? P. 126–127.

⁹² Cm.: Schmidt F. Op. cit. P. 164.

⁹³ См.: Оливекрона К. Указ. соч. С. 678.

⁹⁴ См.: там же. С. 678-679.

⁹⁵ См.: там же. С. 679.

⁹⁶ См.: там же. С. 685.

всего лишь следствие суггестии, а потому ищут в них нечто более серьезное и находят мистику 97 .

К. Оливекрона убежден, что норма права существует только как представление в мыслях людей, а «право состоит из огромной массы идей, которые относятся к поведению людей и были накоплены в течение веков несчетным количеством поколений»; эти идеи выражаются в императивной форме и периодически оживают в человеческих мыслях 98.

6.2. Действительность и сила. С точки зрения К. Оливекроны, действительность права как обязывающая сила не является наблюдаемым фактом, «не имеет места в реальном мире, мире времени и пространства»; она реальна только как идея в сознании человека, а во внешнем мире нет ничего этой идее соответствующего⁹⁹. Однако обязывающая сила права (представление о ней в сознании людей) может быть связана с тем, что на людей действительно оказывается влияние. К. Оливекрона приходит к выводу, что право не обязывает в традиционном смысле, а лишь психологически воздействует независимыми императивами, а следовательно, по существу, оно должно являться организованной силой ¹⁰⁰. Ученый призывает отказаться от традиционных методов определения отношений между правом и силой: поскольку невозможно утверждать, что право в действительности, с реалистической точки зрения, обеспечивается или защищается силой, можно сделать вывод о том, что право состоит в основном из норм о силе, т.е. норм, которые содержат образцы поведения для применения силы. Все нормы прямо или косвенно предполагают организованную силу. Организованная сила признается ученым действительным основанием общества, без нее общество в современных условиях невозможно представить. Влияние этой силы преимущественно косвенное, опосредованное. Систематическое и сознательное применение организованной силы в соответствии с нормами права оказывает влияние на поведение всех людей, а не только тех, которые непосредственно испытывают на себе принуждение. И в целом сам факт существования организованной силы гораздо более значителен, чем непосред-

⁹⁷ См.: *Оливекрона К.* Указ. соч. С. 685.

⁹⁸ См.: там же. С. 685-686. Интересно также, что ученый считает различие между моральными и правовыми нормами не объективным, а основанным на чувствах.

⁹⁹ См. там же. С. 672-673.

¹⁰⁰ См.: там же. С. 716.

ственный эффект санкций 101 . Таким образом, К. Оливекрона приходит к выводу, что право — это система норм о принуждении.

Представляют интерес и рассуждения К. Оливекроны о том, «почему игнорируют воображаемую природу права» и других понятий, таких как права и обязанности, действительность права:

- 1) привычный образ мысли передается из поколения в поколение, и такое мышление укореняется, включается в законодательную технику;
- 2) интерес сфокусирован на практических последствиях никого не заботит соответствие наших правовых представлений наблюдаемой реальности, ценится действие правового механизма и его способность формировать основу индивидуального благополучия, власти, богатства;
- 3) не проводится разграничение между идеями и объективной реальностью, т.е. социальным порядком;
- 4) факты неверно истолковываются, предоставляемые правом преимущества зависят от работы правового механизма, в которой понятие права как психологического факта имеет поддерживающее значение, но не служит причиной или основой предоставляемых преимуществ;
- 5) естественные права часто характеризуют не как реальные права, а как выражение желаний и интересов, однако на самом деле и «позитивные права» в той же степени не являются реальными ¹⁰².
- Т. Спаак выделяет пять утверждений К. Оливекроны о связи права и организованной силы:
 - 1) организованная сила необходима для существования права;
 - 2) право с необходимостью состоит из правил о применении силы;
- 3) сила права оказывает влияние на социальную жизнь в основном опосредовано;
- 4) право является причиной того, что мы интернализируем моральные ценности и стандарты, которые составляют содержание правовых норм;
- 5) право влияет на наши моральные ценности и стандарты в большей степени, чем они влияют на право, и отказ от силы права скорее всего приведет с течением времени к значительным и опасным изменениям в принимаемых нами моральных ценностях и стандартах ¹⁰³.

¹⁰¹ См.: Оливекрона К. Указ. соч. С. 724.

¹⁰² См.: там же. С. 714-716.

¹⁰³ Cm.: *Spaak T.* Karl Olivecrona's Legal Philosophy // A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 12: Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law World. T. 2: Main Orientations and Topics / Ed. by E. Pattaro, C. Roversi. P. 374–375.

Таким образом, сила является важнейшим элементом теории К. Оливекроны, а действительность права предстает как психологическое воздействие на психику людей, которое осуществляется в результате наличия и регулярного, систематического, осознанного действия организованной общественной силы, связанного с возможностью применения физического насилия.

7. Заключение

Упсальская школа правового реализма ориентировала науку о праве на эмпирическое исследование пространственно-временной, психофизической реальности. Это обусловило возникновение представления о том, что такие понятия, как право и действительность права, не имеют непосредственного соответствия в эмпирически наблюдаемой реальности, однако могут быть соотнесены с особыми психическими процессами. В рамках данного направления ученые рассматривают определенные психические процессы в качестве оснований — иллюзорных — представлений о праве как о некоем внешнем принудительном порядке, обладающем особой реальностью (реальностью должного). С помощью выявления и объяснения данных процессов раскрывается вопрос о происхождении правовых понятий и действии права в обществе.

В результате формируется своеобразный подход к действительности права: 1) действительность права предстает как психологический факт; 2) этот факт связывается с существованием особого психического принуждения, психологического самообязывания в сознании людей, возникающего под воздействием организованной общественной силы, а также культурных, социальных и даже биологических факторов; 3) норма определяется как императив и мотив поведения, состоящий из представления о действии и соответствующего принуждающего импульса в сознании; 4) особое внимание уделяется исследованию силы, особенно организованной общественной силы, обладающей монополией на физическое насилие в конкретном обществе; эта сила рассматривается как нечто реальное в отличие от таких пустых метафизических понятий, как право и правопорядок. При этом, хотя традиционные теоретико-правовые понятия и обозначаются как пустые из-за того, что они не имеют непосредственного соответствия в пространственно-временной реальности, признается их психологический эффект как неких магических, ритуальных фраз — по сути, это всего лишь означает их способность воздействовать на психику и, соответственно, поведение людей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антонов М.В. Скандинавская школа правового реализма // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008 / Под ред. А.В. Полякова. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум "Юридическая книга"», 2009. С. 645—668.

Казакевич Г.В. Шведская философия: Современность и классика. Аналитическая традиция Упсалы: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1996.

Козлихин И.Ю., Поляков А.В., Тимошина Е.В. История политических и правовых учений. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2007.

Мысливченко А.Г. Философская мысль в Швеции: основные этапы и тенденции развития. М.: Наука, 1972.

Оливекрона К. Право как факт / Пер. с англ. Е.Ю. Таранченко // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008 / Под ред. А.В. Полякова. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум "Юридическая книга"», 2009. С. 669-752.

Паттаро Э. Нет права без норм / Пер. с англ. С.Н. Касаткина // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008 / Под ред. А.В. Полякова. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум "Юридическая книга"», 2009. С. 284—342.

Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Изд-во «Лань», 2000.

Тимашев Н.С. Предисловие (к книге Petrazycki L. Law and Morality. Cambridge. 1955) // Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды. СПб.: OOO «Университетский издательский консорциум "Юридическая книга"», 2010.

Тимошина Е.В. Теория и социология права Л.И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: Дисс. ... докт. юрид. наук. М.: Санкт-Петербургский государственный университет; Институт государства и права РАН, 2013.

Тонков Д.Е. Философия права Акселя Хэгерстрёма // Труды Института государства и права PAH / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Т. 13. № 3. С. 82-106.

Aarnio A. Essays on the Doctrinal Study of Law. Dordrecht: Springer, 2011. DOI: 10.1007/978-94-007-1655-1

Aarnio A. Introduction // Peczenik A. On Law and Reason. Dordrecht: Springer, 2008. P. 1–12. DOI: 10.1007/978-1-4020-8730-1

Bindreiter U. Anders Vilhelm Lundstedt: In Quest of Reality // A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 12. Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law World. T. 2: Main Orientations and Topics / Ed. by E. Pattaro, C. Roversi. Dordrecht: Springer, 2016. P. 379–400. DOI: 10.1007/978-94-007-1479-3 43

Bjarup J. The Philosophy of Scandinavian Legal Realism // Ratio Juris. 2005. Vol. 18. Iss. 1. P. 1–15. DOI: 10.1111/j.1467-9337.2005.00282.x

Eliasz K., Jakubiec M. The Vienna Circle and the Uppsala School as Philosophical Inspirations for the Scandinavian Legal Realism // Semina Scientiarum. 2016. Vol. 15. P. 107–123. DOI: 10.15633/ss.1771

Fittipaldi E. Introduction: Continental Legal Realism // A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 12. Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law World. T. 2: Main Orientations and Topics / Ed. by. E. Pattaro, C. Roversi. Dordrecht: Springer Netherlands, 2016. P. 297–318. DOI: 10.1007/978-94-007-1479-3_40

Hägerström A. Der Römische Obligations begriff im Lichte der Allgemeinen römischen Rechtsanschauung. Bd. I. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1927.

Hägerström A. Filosofi och vetenskap. Stockholm: Ehlin, 1957.

Hägerström A. Inquiries into the Nature of Law and Morals / Transl. by C.D. Broad. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1953.

Hägerström A. Selbstdarstellung // Die Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen. Bd. 7 / Hrsg. von R. Schmidt. Leipzig: Meiner, 1929. S. 111–159.

Hansson J., Nordin S. Ernst Cassirer: The Swedish Years. Bern: Peter Lang, 2006.

Lundstedt A.V. Legal Thinking Revised: My Views on Law. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1956.

Lundstedt A.V. Superstition or Rationality in Action for Peace? London; New York: Longmans Green & Co., 1925.

Mautner T. Some Myth about Realism // Ratio Juris. 2010. Vol. 23. Iss. 3. P. 411–427. DOI: 10.1111/j.1467-9337.2010.00461.x

McCormack G. Scandinavian Realism // Juridical Review. 1970. Vol. 15. P. 33–55.

Mindus P. A Real Mind: The Life and Work of Axel Hägerström. Dordrecht: Springer, 2009. DOI: 10.1007/978-90-481-2895-2

Olsen H.P., Toddington S. The Scandinavian Roots of a New Approach to "Legal Knowledge" // Retfærd: Nordisk Juridisk Tidsskrift. 2012. Bd. 35. Nr. 4/139. P. 57–78.

Pattaro E. A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 1: The Law and the Right: A Reappraisal of the Reality that Ought to Be. Dordrecht: Springer, 2007.

Pattaro E. Axel Hägerström at the Origins of the Uppsala School // A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 12: Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law World. T. 2: Main Orientations and Topics / Ed. by E. Pattaro, C. Roversi. Dordrecht: Springer, 2016. P. 319–363. DOI: 10.1007/978-94-007-1479-3_41

Pattaro E. From Hägerström to Ross and Hart // Ratio Juris. 2009. Vol. 22. No. 4. P. 532–548. DOI: 10.1111/j.1467-9337.2009.00439.x

Proszewska A.M. Axel Hägerström, Uppsala School, and the Rise of Swedish Analytical Philosophy // Zeszyty Naukowe Towarzystwa Doktorantów Uniwersytetu Jagiellońskiego Nauki Humanistyczne. 2018. Bd. 4. Nr. 23. P. 121–132. DOI: 10.26361/ZNTDH.09. 2018.23.08

Ross A. On Law and Justice / Transl. from Danish by M. Dutton. Berkeley: University of California Press, 1959.

Schmidt F. The Uppsala School of Legal Thinking // Scandinavian Studies in Law. 1978. Vol. 22. P. 152–175.

Spaak T. Karl Olivecrona's Legal Philosophy // A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 12: Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law

World. T. 2: Main Orientations and Topics / Ed. by E. Pattaro, C. Roversi. Dordrecht: Springer, 2016. P. 365–378. DOI: 10.1007/978-94-007-1479-3 42

Strang J. The Scandinavian Value Nihilists and the Crisis of Democracy in the 1930s and 40s // NordeuropaForum. 2009. Vol. 19. No. 1. P. 37–63.

Strang J. Two Generations of Scandinavian Legal Realists // Retfærd: Nordisk Juridisk Tidsskrift. 2009. Bd. 32. Nr. 1/124. P. 61–82.

Vasilyeva N., Timoshina E. Continental Legal Realism: Legal Validity as a Psychological Experience // The Experience of Law. Collection of Articles and Essays / Comp. by O. Stovba, N. Satokhina. Kharkiv: Publisher Oleg Miroshnychenko, 2019. P. 107–118.

REFERENCES

Aarnio, A. (2008). Introduction. In: Peczenik, A. *On Law and Reason*. Dordrecht: Springer, pp. 1–12. DOI: 10.1007/978-1-4020-8730-1

Aarnio, A. (2011). Essays on the Doctrinal Study of Law. Dordrecht: Springer. DOI: 10.1007/978-94-007-1655-1

Antonov, M.V. (2009). Skandinavskaya shkola pravovogo realizma [Scandinavian School of Legal Realism]. In: A.V. Polyakov, ed. *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of Theory of Law]. Issue 1. Saint Petersburg: OOO "Universitetskii izdatel'skii konsortsium 'Yuridicheskaya kniga'", pp. 645–668. (in Russ.).

Bindreiter, U. (2016). Anders Vilhelm Lundstedt: In Quest of Reality. In: E. Pattaro and C. Roversi, eds. *A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Volume 12. Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law World. Tome 2: Main Orientations and Topics.* Dordrecht: Springer, pp. 379–400. DOI: 10.1007/978-94-007-1479-3_43

Bjarup, J. (2005). The Philosophy of Scandinavian Legal Realism. *Ratio Juris*, 18(1), pp. 1–15. DOI: 10.1111/j.1467-9337.2005.00282.x

Eliasz, K. and Jakubiec, M. (2016). The Vienna Circle and the Uppsala School as Philosophical Inspirations for the Scandinavian Legal Realism. *Semina Scientiarum*, 15, pp. 107–123. DOI: 10.15633/ss.1771

Fittipaldi, E. (2016). Introduction: Continental Legal Realism. In: E. Pattaro and C. Roversi, eds. *A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Volume 12. Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law World. Tome 2: Main Orientations and Topics.* Dordrecht: Springer, pp. 297–318. DOI: 10.1007/978-94-007-1479-3_40

Hägerström, A. (1927). Der Römische Obligations begriff im Lichte der Allgemeinen römischen Rechtsanschauung. Volume I. Uppsala: Almqvist & Wiksell. (in Germ.).

Hägerström, A. (1929). Selbstdarstellung. In: R. Schmidt, ed. *Die Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen. Volume 7.* Leipzig: Meiner, pp. 111–159. (in Germ.).

Hägerström, A. (1953). *Inquiries into the Nature of Law and Morals*. Translated by C.D. Broad. Uppsala: Almqvist & Wiksell.

Hägerström, A. (1957). *Filosofi och vetenskap* [Philosophy and Science]. Stockholm: Ehlin. (in Swed.).

Hansson, J. and Nordin, S. (2006). *Ernst Cassirer: The Swedish Years*. Bern: Peter Lang. Kazakevich, G.V. (1996). *Shvedskaya filosofiya: Sovremennost' i klassika. Analiticheskaya traditsiya Upsaly* [Swedish Philosophy: Modernity and Classic. The Uppsala Analy-

tic Tradition]. The Candidate of Philosophical Sciences Thesis' Abstract. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (in Russ.).

Kozlikhin, I.Yu., Polyakov, A.V. and Timoshina, E.V. (2007). *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii* [History of Political and Legal Doctrines]. Saint Petersburg: Izdatel'skii dom Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta. (in Russ.).

Lundstedt, A.V. (1925). Superstition or Rationality in Action for Peace? London; New York: Longmans Green & Co.

Lundstedt, A.V. (1956). *Legal Thinking Revised: My Views on Law.* Stockholm: Almqvist & Wiksell.

Mautner, T. (2010). Some Myth about Realism. *Ratio Juris*, 23(3), pp. 411–427. DOI: 10.1111/j.1467-9337.2010.00461.x

McCormack, G. (1970). Scandinavian Realism. *Juridical Review*, 15, pp. 33–55.

Mindus, P. (2009). A Real Mind: The Life and Work of Axel Hägerström. Dordrecht: Springer. DOI: 10.1007/978-90-481-2895-2

Myslivchenko, A.G. (1972). Filosofskaya mysl' v Shvetsii: osnovnye etapy i tendentsii razvitiya [Philosophical Thought in Sweden: The Main Stages and Development Trends]. Moscow: Nauka. (in Russ.).

Olivecrona, K. (1939). *Law as Fact*. London: Stevens & Sons. [Russ. ed: Olivecrona, K. (2009). Pravo kak fakt. Translated from English by E. Yu. Taranchenko. In: A.V. Polyakov, ed. *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of Theory of Law]. Issue 1. Saint Petersburg: OOO "Universitetskii izdatel'skii konsortsium 'Yuridicheskaya kniga'", pp. 669–752].

Olsen, H. P. and Toddington, S. (2012). The Scandinavian Roots of a New Approach to "Legal Knowledge". *Retfærd: Nordisk Juridisk Tidsskrift*, 35(4/139), pp. 57–78.

Pattaro, E. (2005). No Law without Norms. In: Pattaro, E. A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Volume 1: The Law and the Right: A Reappraisal of the Reality that Ought to Be. Dordrecht: Springer, pp. 131–185. DOI: 10.1007/1-4020-3505-5 [Russ. ed.: Pattaro, E. (2009). Net prava bez norm. Translated from English by S.N. Kasatkin. In: A.V. Polyakov, ed. Rossiiskii ezhegodnik teorii prava [Russian Yearbook of Theory of Law]. Issue 1. Saint Petersburg: OOO "Universitetskii izdatel'skii konsortsium 'Yuridicheskaya kniga'", pp. 284–342].

Pattaro, E. (2007). A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Volume 1: The Law and the Right: A Reappraisal of the Reality that Ought to Be. Dordrecht: Springer.

Pattaro, E. (2009). From Hägerström to Ross and Hart. *Ratio Juris*, 22(4), pp. 532–548. DOI: 10.1111/j.1467-9337.2009.00439.x

Pattaro, E. (2016). Axel Hägerström at the Origins of the Uppsala School. In: E. Pattaro and C. Roversi, eds. *A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Volume 12: Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law World. Tome 2: Main Orientations and Topics.* Dordrecht: Springer, pp. 319–363. DOI: 10.1007/978-94-007-1479-3_41

Petrażycki, L. (2000). *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei nravstvennosti* [The Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality]. Saint Petersburg: Lan' Publ. (in Russ.).

Proszewska, A.M. (2018). Axel Hägerström, Uppsala School, and the Rise of Swedish Analytical Philosophy. *Zeszyty Naukowe Towarzystwa Doktorantów Uniwersytetu Jagiellońskiego Nauki Humanistyczne*, 4(23), pp. 121–132. DOI: 10.26361/ZNTDH.09.2018.23.08

Ross, A. (1953). *Om ret og retfærdighed: en indførelse i den analytiske retsfilosofi.* Copenhagen: A. Busck. (in Dan.). [Eng. ed: Ross, A. (1959). *On Law and Justice.* Translated from Danish by M. Dutton. Berkeley: University of California Press].

Schmidt, F. (1978). The Uppsala School of Legal Thinking. *Scandinavian Studies in Law*, 22, pp. 152–175.

Spaak, T. (2016). Karl Olivecrona's Legal Philosophy. In: E. Pattaro and C. Roversi, eds. *A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Volume 12: Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law World. Tome 2: Main Orientations and Topics.* Dordrecht: Springer, pp. 365–378. DOI: 10.1007/978-94-007-1479-3_42

Strang, J. (2009). The Scandinavian Value Nihilists and the Crisis of Democracy in the 1930s and 40s. *NordeuropaForum*, 19(1), pp. 37–63.

Strang, J. (2009). Two Generations of Scandinavian Legal Realists. *Retfærd: Nordisk Juridisk Tidsskrift*, 32(1/124), pp. 61–82.

Timasheff, N.S. (1955). Introduction. In: Petrażycki, L. *Law and Morality*. Translated from Polish by H.W. Babb. Cambridge: Harvard University Press, pp. xvii—xxxviii. [Russ. ed.: Timasheff, N.S. (2010). Predislovie (k knige Petrażycki L. Law and Morality. Cambridge, 1955). Translated from English by A.V. Babanov. In: Petrażycki, L. *Teoriya i politika prava. Izbrannye trudy* [Theory and Policy of Law. Selected Works]. Saint Petersburg: OOO "Universitetskii izdatel'skii konsortsium 'Yuridicheskaya kniga'", pp. 908–925].

Timoshina, E.V. (2013). *Teoriya i sotsiologiya prava L.I. Petrazhitskogo v kontekste klassicheskogo i postklassicheskogo pravoponimaniya* [L.I. Petrażycki's Theory and Sociology of Law in the Context of Classical and Post-Classical Legal Understanding]. The Doctor of Legal Sciences Thesis. Moscow: Saint Petersburg State University; Institute of State and Law of the RAS. (in Russ.).

Tonkov, D.E. (2018). Filosofiya prava Akselya Khehgerstrema [Legal Philosophy of Axel Hägerström]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 13(3), pp. 82–106. (in Russ.).

Vasilyeva, N. and Timoshina, E. (2019). Continental Legal Realism: Legal Validity as a Psychological Experience. In: O. Stovba and N. Satokhina, comps. *The Experience of Law. Collection of Articles and Essays*. Kharkiv: Oleg Miroshnychenko Publ., pp. 107–118.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Васильева Наталия Сергеевна — преподаватель-исследователь, исполнитель в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-01195 «Действительность и действенность права: теоретические модели и стратегии судебной аргументации», Санкт-Петербургский государственный университет.

AUTHOR'S INFO:

Natalia S. Vasilyeva — teacher-researcher, research performer in the RFBR (Russian Foundation for Basic Research) grant-funded project № 18-011-01195 "Validity and Efficacy

of Law: Theoretical Models and Strategies of Judicial Argumentation", Saint Petersburg State University.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Васильева Н.С. Действительность права как психологический факт: Упсальская школа в контексте интеллектуальной традиции континентального правового реализма // Труды Института государства и права PAH / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 4. С. 47–80. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-4-vasilyeva

CITATION:

Vasilyeva, N.S. (2019). Legal Validity as a Psychological Fact: Uppsala School in the Intellectual Context of Continental Legal Realism. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*—*Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 14(4), pp. 47–80. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-4-vasilyeva